

Максим Горький

Убежал



Максим Горький

Убежал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170397

М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах: Государственное издательство художественной литературы; Москва; 1949

Аннотация

Впервые напечатано в нижегородской газете «Волгарь», 1893, номер 303, 23 декабря; номер 307, 29 декабря; номер 309, 31 декабря. Четвёртый рассказ из серии «Маленькие истории».

Рассказ в собрания сочинений не включался.

Печатается по тексту газеты «Волгарь».

Убежал

Прошлявшись весь день по городу, голодный и озябший, Рыжик к ночи зашёл на какой-то двор, загромождённый грудами старого леса, и, найдя между брёвен и досок уголок, показавшийся ему достаточно незаметным для ночных сторожей и полицейских обходов, сунул в него своё отощавшее от голода и расшатанное четырёхмесячною болезнью тело, загородился от ветра досками и, пытаясь забыть о голоде, ревавшем его внутренности, сжался в плотный маленький ком и задумался.

За четыре месяца, проведённые им в тошнотворных жёлтых стенах больницы, в борьбе с тифом и культурой в лице доктора и условиями больничного лечения, он привык думать подолгу и помногу, и эти думы, оставляя в его груди скверный и горький осадок, создали ему острое и злое настроение и какой-то вызывающий, воинственный тон по отношению ко всему существующему.

Этот тон и настроение прежде всего привели Рыжика к ссоре с больничной прислугой, затем вчера, по выходе из больницы, к более важной для него ссоре с нужным человеком Мишкой Ефрейтором, одним из пособников по сбыту краденого. Рыжик пришёл из больницы прямо к нему с целью взять маленький аванс в счёт будущих операций с чужой движимой собственностью, но Мишка, посмотрев на ху-

дую, иссушённую тифом фигуру старого клиента, отнёсся к нему скептически, заявив, что едва ли можно будет скоро получить с него сумму, которую он просит, потому что на его, Мишкин, взгляд – Рыжиково дело плохо, здоровье-то всё вышло да, надо думать, и уменье с собой унесло.

Это оскорбило Рыжика, хотя в другое время он не оскорбился бы гораздо бóльшим.

– Ну, и что ж ты полагаешь? Не гожусь я, что ли, больше? – задорно и зло блестя глазами, спросил он Мишку.

– Не то, чтобы... а всё-таки... – неопределённо ответил тот, уставив свои маленькие глазки в закопчённый потолок принадлежащего ему кабака.

– Нет, ты скажи мне, по-твоему, мне теперь на печку, и всё уж? – допрашивал Рыжик, чувствуя, что в его груди что-то клокочет и просится из неё на волю потоком злых ругательств.

Мишка открыл ящик с «выручкой» и молча зазвенел медяками. Рыжик крепился и ждал... Но, глядя на сытую, крепкую фигуру Мишки, тепло и чисто одетого, на его красное, здоровое лицо, до глаз заросшее чёрной кудрявой бородой, и на эти глаза, маленькие, острые, сверкавшие спокойно и довольно из-под красиво нахмуренных чёрных бровей, – Рыжик ощутил в себе настоящую потребность сказать этому сытому человеку что-нибудь злое и обидное.

– Поди ж ты вот! – начал он, глядя в угол и как будто думая вслух. – Одному человеку воровство впрок, а другому

кости сушит только.

– Это ты про кого? – спросил Мишка, пытливо оглядывая клиента.

– Говорю-то про кого? Про одного знакомого... А ты ду- мал, про тебя?

Похоже, значит!

И, произнеся это, Рыжик зло усмехнулся в лицо Мишки. Мишка спокойно смерил взглядом стоявшего против него длинного и худого человека в рваных лохмотьях, с зелёным иссохшим лицом и невольно вздрогнул. Тот смотрел на него упорно, и его глаза сверкали так ярко, точно хотели что-то сжечь, а стиснутые зубы, резко обрисовав худобу щёк и ост- рые скулы, придали лицу какое-то непримиримое и хищное выражение.

– Гм! – буркнул Мишка и, побуждаемый желанием отде- латься от посетителя, протянул ему руку с медяками и заго- ворил: – Возьми вот! А из больницы ты рано вышел. Плох.

– Это тут сколько? – нервно отрывая от своей рвани лох- мот, спросил Рыжик.

– Тут-то?.. Полтина...

Тогда Рыжик, не протягивая руки к деньгам, громко за- смеялся и, весь трясась от смеха и обуревавшей его злобы, стал выкрикивать звонкими, высокими нотами:

– Спасибо! Оставь себе на саван!.. Жидомор ты!.. Хапу- га!.. Грабитель!..

С каждым резким словом его как-то встряхивало, и, вы-

крикивая одно и то же слово по нескольку раз, наконец, крича что-то совсем уже несообразное и непонятное, он стал перерегибаться через отделявший его от Мишки прилавок с очевидным намерением вцепиться Мишке в бороду...

Если б в тот момент Мишка догадался спросить Рыжика, что обидного видит он в предложении полтины, Рыжик не сумел бы ответить на этот вопрос и, смущённый им, наверное бы успокоился. Но Мишке, брезгливо смотревшему на своего разбитого болезнью клиента, не пришло в голову такого вопроса, и, не ощущая в себе ничего, кроме настоящей потребности поскорее отделаться от Рыжика, он отвечал на его ругань суровым и холодным тоном сытого человека:

– Ну, ты, брат, вот что, – сказал он Рыжику, когда тот перестал уже кричать и, задыхаясь, кашляя и скрипя зубами, упал на прилавок, – ты уходи прочь. Слышишь?!

Пшёл!.. Орать тут нечего. Думать – думай, что хочешь, но про себя, а орать ты не можешь. А ежели ты не уйдёшь, можно вытолкать в шею... а то, так полицейского пригласить...

– Полицейского?! – прошептал Рыжик, поражённый. Мишка Ефрейтор, старый, известный полиции покупатель краденого, человек, судившийся у всех мировых города, – позовёт полицейского для того, чтоб отправить в часть его, Рыжика, делавшего с ним, этим Мишкой, большие дела!.. Полицейского, их общего врага!!

Мишка спокойно задвинул «выручку», повторил Рыжику ещё раз: «Пошёл вон, ну!» и, скрестив руки на груди, опёрся

спиной на полку с бутылками, сурово поглядывая на Рыжика.

Рыжик был ошеломлён его спокойствием. Он растерянно оглянулся вокруг себя.

Кабак был пуст и ещё холоднее и спокойнее своего хозяина смотрел на Рыжика закуренными и закопчёнными стенами.

– Уйду! Давай мне полтину! – глухо сказал он Мишке.

– Ну, я, брат, тебе не должен, – зевнув, ответил тот.

– Как это? – спросил Рыжик и, поняв ответ в угрожающем движении, сделанном Мишкой к нему, махнул рукой и, шатаясь, пошёл к двери.

– Подлец ты, Михаил! – обернувшись в дверях, простился он с старым товарищем и, хлопнув во всю мочь дверью, ушёл.

Эта сцена на несколько времени подавила его злобное настроение. Он долго ходил по городу, разыскивая товарищей, никого не нашёл и, наконец, снова разозлившись, усталый, голодный и иззябший, забился в штабель леса, намереваясь переночевать в нём.

Сквозь щели между досками ему было видно матовое зарево от городских фонарей; лохматые, тяжёлые тучи, слабо освещённые им, быстро бежали куда-то, гонимые сырым и холодным осенним ветром. От ударов ветра в доски штабеля по пустырю носились гулкие звуки...

Стараясь как можно плотнее закутаться в свои лохмотья,

Рыжик вертелся с боку на бок и, чувствуя, что голод с каждым часом всё сильнее режет ему внутренности, прислушивался к боли и думал. Никто из товарищей за четыре месяца его болезни не пришёл к нему справиться о его положении, никто, точно их и не было на свете!..

А они были. И с поразительной ясностью перед ним вставали их отрёпанные волчьи фигуры, одна за другой, со всеми особенностями физиономии, речи и специальности каждого.

Каждый из них почему-то представлялся ему «за своим делом».

Вот Курдик – специалист по просушке белья. Тонкая фигура на поражённых ревматизмом длинных дрожащих ногах, хищно согнувшись, тихо крадёт вдоль забора к верёвкам с развешенными на них простынями, рубахами и платками...

Курдик пропадает в какой-то странной мгле, и на смену ему выступает мрачный конокрад Алёшка. Он стоит около чьей-то лошади и, нахлопывая её рукой по крупу, глухо сипит: «Тпру, голубушка, тпру!.. Хо-хо-хо, милая!..» И вдруг его мощное тело вваливается на лошадь, он бьёт её и исчезает с ней, оставляя за собой хриплый рёв и гул от ударов лошадиных копыт... Рыжику кажется, что эти звуки раздаются где-то в его голове, ему делалось больно, и он вздрагивал от холода и страха, что с ним снова начинается бред, долго возился в своей норе, и, когда, усталый, снова укладывался, – пред ним вставала другая фигура старого товарища... Все они были так или иначе обязаны ему, и, казалось ему, гораз-

до больше, чем он им. Пьяный солдат Савелий, с разбитой в драке с полицейским физиономией, глухо бормочет: «Никогда я тебя, Рыжик, не забуду, что ты меня выручил, – никогда!..» Рыжику даже кажется, что он чувствует удар руки Савелия по его плечу...

«Эх вы, люди!..» – думает он, вспоминая, сколько ему стоило выручить Савелия из рук знакомого полицейского, заставшего неосторожного и неповоротливого солдата за исследованием прочности замка у одной лавки. Сколько он тогда заплатил жожалому!.. Теперь бы эти деньги!..

Ветер поёт свои скучные осенние песни, и Рыжику кажется, что и ветру обидно и горько за людей, которые не умеют платить старые долги...

Затем мысль его прерывается, и вот он в больнице... Скучные жёлтые стены и утомлённые, серые лица сиделок и прислужников сливаются перед ним в один тоскливый фон, и на нём разительно резко рисуется некоторый обидный и горький эпизод...

Это было, когда он уже выздоравливал. Он лежал с закрытыми глазами и услышал, что к койке его подошли двое:

– Ба! Эта подозрительная личность, кажется, хочет ожить! – сказал один из подошедших.

– Совершенно верно-с! Температура понижается, уже тридцать восемь и три.

Они живучи-с! Настоящие волки... – почтительно ответил другой...

И, пошуршав какой-то бумагой над головой Рыжика, они отошли от его койки.

Рыжик почувствовал, что каждое слово падало куда-то внутрь его маленьким и острым куском льда. Как они говорят о нём?.. Как о собаке...

И ему вспомнилась его собака... Это была славная большая чёрная собака, Гуляй, не подпускавшая к себе никого, кроме своего хозяина. Хорошо иметь собаку...

и привыкает скоро и не требует с тебя почти ничего; не то, что человек. Где-то теперь эта собака?..

Ветер выл, носясь по пустырю, и, налетая на груды старого леса, громко стучал досками.

Рыжик высунул голову из своего убежища и, посмотрев вокруг себя, тяжело вздохнул.

Было так темно, страшно и холодно... И до утра, должно быть, ещё долго...

Где-то очень близко раздался рокот трещотки ночного сторожа. Рыжик дрогнул и снова забился в доски.

«Чего он прёт сюда? чего? пустырь ведь... что тут есть, oprичь дерева?..

а лезет, чёрт!.. эх, люди, люди!..»

Рыжику показалось, что сторож уже пронюхал его и идёт затем, чтоб прогнать... будет кричать и ругаться, может, зашвистит даже...

«А что ж такое пустырь? Если у меня своей квартиры нет, я имею полное право ночевать на пустыре».

Трещотка нахально звучала, всё приближаясь.

«Ежели собаки при нём нет, то он не учует меня. Не учует ни в каком разе.

А вот, ежели собака... Экая робкая мысль у меня пошла после болезни-то?.. Что ж такое сторож? Стучит, – ну и стучи! Разве это может помешать мне? Пожалуйста, стучи! Вот он прёт, дьявол!.. Ишь ты!.. ну, повалил!.. И собака...»

Сторож был близко. Слышались тяжёлые шаги и ласковое повизгиванье собаки...

Рыжик ощутил тревогу и вместе с ней прилив горячей злобы. Ему захотелось даже вылезть и стать прямо нос к носу со сторожем... трусы они, эти сторожа!.. Но его тело, изломанное холодом, голодом и болезнью, отказывалось повиноваться воле, к тому же послышалось рычанье собаки и уже на этот раз где-то совсем рядом.

Сторож постукал палкой по доскам и крякнул внушительно, глубоким басом.

«Должно быть, здоровый, дьявол!» – тоскливо подумал Рыжик и осторожно завоzilся, стараясь глубже забраться в свою нору; но, сделав неловкое движение, толкнул одну из досок, загораживавших впадину, где он лежал; раздался шум, грозное рычанье, и прямо перед собой Рыжик увидел тёмную морду большой собаки. Он видел только круглый лохматый кусок, но ему казалось, что на нём он различает оскаленные зубы и злые, горячие глаза.

– Пшла прочь!! – заорал он благим матом и, попытавшись

вскочить на ноги, больно ударился плечом и головой.

Собака отскочила, испуганная его криком.

Рыжик сел на корточки и без дум, одеревенев от тучи смутных чувств, над которыми преобладал страх, застыл в своей позе, точно ожидая, что будет дальше.

Несколько секунд длилось невероятно долгое молчание, нарушаемое подозрительным рычаньем собаки.

– Ну, вылазь! – раздался глухой, сиплый голос, и вслед за ним собака снова сунула свою морду.

Услышав голос человека, Рыжик как-то сразу встряхнулся и пришёл в себя.

– Вылазь, говорю! – нетерпеливо и грозно командовали ему.

Но теперь его не смущал этот тон. Всё равно вылезть придется.

– Вылазь, ч-чёрт, а то свистну! – крикнул в третий раз сторож.

– Сви-и-стнешь?! – переспросил Рыжик. – Ну, это, брат, ты погоди! Не имеешь права. Я и сам могу тем же ответить! – заговорил, наконец, Рыжик уверенным тоном, даже с оттенком некоторого задора.

– Полицию свистну! Лезь, чёрт!..

– А-а, полицию!.. – протянул Рыжик. – На что? Чтобы больного человека в часть забрала? Изволь. Если на тебе нет креста, то изволь! Но собаку убери, в пасть ей я не полезу.

– Гуляй, прочь! – гукнул сторож.

Собака отскочила, громко рыча; но Рыжик не вылезал.

– Ну, что ж ты, проклятая харя, не лезешь?!. а?!. – торопил сторож.

– Лезу, лезу! погоди. А где это ты, мил человек, собаку взял? э? чья это собака? – спросил Рыжик, высовывая голову и пристально рассматривая собаку, сидевшую у ног сторожа.

– Да ты полезешь?!. али тебя огреть палкой?!.

– Погоди, не зевай! – пренебрежительно ответил Рыжик. – Чего разорался?

Али не узнал я тебя, думаешь? У меня, солдат, память-то подлиннее твоей. И я тебя сразу по голосу узнал. И хоть рыло твоё не вижу, но знаю, что это ты.

С этими словами Рыжик, согретый вдруг вспыхнувшим в нём чувством надежды на помощь со стороны старого товарища, неуклюже вывалился из своей норы.

– Гуляй! – стал он манить собаку, щёлкая пальцами и причмокивая губами.

– Али не узнал хозяина? Гуляй! по-оди сюда, собака!

Гуляй лениво поднялся и, замахав хвостом, посмотрел на сторожа, точно желая спросить его о чём-то.

– Что за человек? Кто таков? – тоном некоторого беспокойства заговорил сторож и, ткнув собаку ногой, стал поправлять громадный овчинный воротник тяжёлой серой шубы, делавшей его похожим на неуклюжий, громадный пень.

– Сс-кажите, как мы стали богаты и важны! уж и не можем узнать старых товарищей!.. Гуляй, подь сюда! Ах ты, про-

клятая собака!..

Но собака не шла к Рыжику. Отойдя в сторону, она села на землю и, не обращая внимания на своих хозяев, стала усердно чесаться.

Это возмутило Рыжика. Он поднял с земли сухой ком грязи и с ругательством бросил в неё. Рыча, собака отбежала дальше.

– Да это ты, что ли, Григорий? – угрюмо спросил сторож, высунув голову из воротника.

– Признал, значит? Покорно благодарю! – сыронизировал Рыжик. – Как, братец мой, в сытом-то виде мы слабы на память! а?

– А говорили, что ты умер! – тоном почти сожаления заявил сторож. – В больнице, дескать, от тифу...

– Ан я вот не умер. Н-да. А ты как это в чин попал? а?

Рыжик стоял, глубоко сунув руки в рукава своей рвани и, весь сжавшись под ветром, плотно прижимался к брёвнам, точно боясь, что ветер собьёт его с ног. Громадная фигура товарища, закутанная в тёплую, тяжёлую шубу, производила на него странное впечатление. Что-то горькое и злое ныло в голодном нутре Рыжика и рождало в нём желание поколотить эту тушу. Это желание было так сильно, что на некоторое время скрыло за собой и чувство голода и зародившуюся надежду на помощь. Молча Рыжик смотрел на неподвижного и поражённого встречей старого товарища и, чувствуя, как ему с каждой секундой всё сильнее хочется чего-то острого

и потрясающего, не знал – что бы ему сказать.

– А говорили – умер, дескать... – начал сторож, смущённый странным молчанием и чувствуя, что надо что-нибудь говорить. – Как же ты это, брат, теперь? а?

Расстроенные болезнью и наточенные злобой нервы Рыжика стали чутки, как туго натянутые струны. Его ещё пуще злил какой-то странный, виноватый тон товарища, и, не видя в нём ничего, что бы говорило, что ему приятна встреча с ним, Рыжиком, – он сразу возненавидел его. Ему ещё сильнее хотелось сделать что-нибудь такое вредное для Савелия, собаки, всего мира...

– Ну, как же ты – рад, что видишь меня? – спросил он, едко усмехаясь.

Савелий как-то глупо завозился на месте.

– Я-то? Я рад. А что ж ты теперь?.. как?

Дальше он не мог сказать ничего, почувствовав себя в опасном положении, и вдруг, вдохновлённый этой опасностью, заговорил быстро и придвинувшись к Рыжику:

– Вот что, браток! Ты лезь опять туда... а я пойду. Потому мне нельзя, обход скоро пойдёт. А к утру я за тобой зайду... И мы, значит, поговорим обо всём... а то я, видишь ты, сторож... и, значит, обязан, коли что, сейчас забрать и представить в часть. Служба, браток; ничего не попишешь!.. – И, тяжело вздохнув, Савелий замолчал.

Рыжик не откликнулся ни звуком.

Наступила скверная, тяжёлая минута, усиленная ещё тем,

что ветер, завывавший на пустыре, вдруг замолчал, точно желая яснее расслушать всё то, что будет сказано дальше. Тучи, тяжело двигавшиеся по небу, на минуту разорвались. Молочные и холодные лучи луны любопытно глянули на пустырь и, осветив мутным светом двух людей, молча стоявших друг против друга, собаку в стороне от них и тяжёлые, громадные кучи дерева, – снова скучно спрятались за тучами.

– Гуляй! поди сюда! Гуляйка! – крикнул Рыжик сардонически звенящим голоском.

Ему было приятно молчать; он понимал, что это молчание очень мучает Савелия.

– Гуляй!..

Собака двинулась к нему, виляя хвостом и в то же время посматривая на нового хозяина. Её новый хозяин нетерпеливо мялся на месте и боязливо оглядывался вокруг себя.

– Видишь ли ты, – заговорил он тоскливым тоном и как-то глухо, нехотя, – в сторожа я попал. Такое тут дело вышло, и попал я, значит... Так вот теперь и наблюдаю.

Служба, брат!.. Тру-удно! Потому – чуть что, и слетишь... И то насилу, насилу приняли.

Кто такой? Солдат – Савел! А, известен! Невозможно! Ну, а Антип Митрич говорит:

«Иди, говорит, сторожи мои штабеля, три рубля в месяц, и помогать дворнику. И харч хозяйский». Пошёл, потому – надоело это мне, цыганить-то. И караулю, значит.

– Гуляйка!.. У, чёрт лохматый! Узнал хозяина!.. а-а, шельма!.. Узнал!..

Рыжик ласкал подошедшую к нему собаку и, вскользь бросая взгляды на смущённую и убитую его поведением красную усатую рожу Савелия, наслаждался. От холода его трясла дрожь, но он точно не замечал этого, согреваемый своей маленькой мстью и не пытаясь даже плотнее завернуться в свои лохмотья.

– Мил-лая собака!.. – чмокал он губами, глядя Гуляя, довольно равнодушно относившегося к его ласкам.

– Ах ты, господи! – вздохнул Савелий и, передвинув рукой шапку на голове, снова начал вяло и скучно говорить: – «Будешь, говорит, исправен, похлопочу, чтоб тебе участок дали. Рублей, говорит, двенадцать наберёшь. Но, говорит, смотри! Помни, кто ты». Ну, я и того... Ты бы, брат, улез в дыру-то до утра. Как я кончу дежурство, так и того... а теперь опасно мне. Обход должен сейчас поехать. Лишусь я через тебя места и прочее такое! Плюнь, брат! Улезь!

Рыжик, слыша его просительный и боязливый шёпот, ликовал.

– Гуляйка! Милая собака! Небось, ты вот меня за три целковых не продашь?
а? У, ты!..

Савелий понурил голову и стал тыкать палкой в землю. Рыжик продолжал:

– Друг ты мой, Гуляй! Собака ты, но супротив тебя чело-

веку не устоять. Душа у тебя есть. Жалеешь ты меня? Вижу, жалеешь! потому – и я ведь собака...

– Собака и есть! – вдруг вскинул головой Савелий.

– Ну?

– Собака, мол, и есть! Тебя честью просят, не подводи человека, а ты – своё. Чёрт паршивый! Лезь, коли хошь!

Рыжик не ожидал такого взрыва, не приготовился к нему и был поражён им.

– А как не хочу?! – нашёл он вопрос.

– А, так я тебя силком засуну али в полицию сведу. Понял? Ты что думаешь?

Мне, брат, всё равно. Я Мишку Косого прошлый раз отправил. И очень были мной довольны. Что я могу делать, коли с вашим братом сладу никакого нет!

Савелий воодушевился. Он почувствовал на своей стороне силу и ещё что-то, поддерживавшее его.

– Дурак, говорил тебе – лезь! вон обход едет! слышь? Лезь, чёрт! заберут!

А то сам сейчас засвищу! Ну!..

Но Рыжик не полез. Он почувствовал, как что-то горячее и удушливое хлынуло ему из груди к горлу, крякнул, заскрипел зубами и вдруг истерично закричал:

– Не хочу! Не лезу! Гуляй! Пшёл сюда! Я – твой хозяин! Гуляй! давай воровать!

Смотри, солдат, тащу! Хочу доску спереть у тебя, солдат! Что ж ты меня не хватаешь?!

а? Ну, свисти! Свисти, подлец! Мерзавец ты! Узы его, Гуляй! Рви его!! рви его, Иуду!!.

Рыжик пришёл в иступление. Он начал дико кричать и, вцепившись в шею собаке, пытался бросить её на Савелия.

Собака громко завyla, вертясь в его руках, и вдруг вцепилась ему в ногу.

Дико вскрикнув, Рыжик, как сломанный, свалился на землю и, воя, как волк в капкане, стал кататься по ней.

Разозлённый Гуляй метался вокруг него, пытаясь вцепиться ему в горло, а солдат растерянно стоял и, нелепо размахивая палкой по воздуху, резко свистел, закинув голову в небо.

Послышался топот лошадей, и на пустырь выехали две серые конные фигуры.

– Что такое? – торопливо спросила одна из них, спрыгивая на землю и обращаясь к Савелию, ещё не успевшему перестать свистеть.

Савелий тупо оглянулся на Рыжика, откатившегося к стороне. Над ним уже склонился другой полицейский и поднимал его с земли.

– Что за шум? Ну! – повторил свой вопрос полицейский, встряхивая Савелия за шиворот.

– Человек пришёл... – забормотал Савелий. – Пришёл и прёт доску. Я, значит, и засвистел... Господи!.. – вздохнул он убито.

– Человек пришёл!.. – передразнили его и, сунув кулаком

в лицо подведённого Рыжика, слабо всхлипывавшего, добавили: – Разве это человек? У ты, м-морда! Веди его!

Савелий неопределённо махнул рукой и не тронулся с места.

– Веди его, говорят! – крикнули ему.

Тогда он подошёл к Рыжику и, взяв его за рукав, глухо сказал:

– Пойдём!

– Смотри, чтобы не убежал! – напутствовали его полицейские и, сев на лошадей, скрылись в ночной тьме.

Рыжик шёл и молча всхлипывал, то и дело наклоняясь, чтоб дотронуться до ноги.

Шли какой-то пустынной улицей, среди заборов, из-за которых на улицу простирали свои голые ветви уродливые деревья. Улица была узка, и ветви висели над ней частой сетью. Казалось, что много длинных и тонких рук протянулись друг к другу и пытались сцепиться в крепком рукопожатии, но ветер, качая их, не позволял им сделать это, и деревья тихо и жалобно скрипели. Сквозь узоры ветвей видны были фатально плывшие в небе тучи, и их медленное, тяжёлое движение было так тоскливо и бесцельно.

Вдали виднелись тёмные силуэты каких-то построек, и жалкие огоньки фонарей, мерцая кое-где среди них, делали ночь ещё тоскливей и мрачней.

– Вот тебе, проклятый! – радостно взвизгнул Рыжик, взмахнув рукой в воздухе... И вслед за его визгом раздался

жалобный визг Гуляя.

Савелий остановился.

– Что это ты собаку-то?.. – угрюмо спросил он, посматривая искоса на Рыжика.

– К-камнем тррахнул! Попал хорошо. Что, дьявол, воешь? Вой, вой! Я выл.

И ещё бы завыл, но больше голосу нет.

Рыжик захохотал дробным, металлическим смехом и грузно опустился на землю.

– Дальше я не пойду. Устал я и иззяб. Здесь я издохну. Дальше ни-ни! будет.

Он вытянулся на земле и замолчал, скорчившись в странный, лохматый ком.

Савелий тоже стал, молча оперся на палку и уставился на него глазами, переминаясь с ноги на ногу и желая сказать что-то.

Где-то неподалёку приютился Гуляй и тихо взвизгивал.

Минута за минутой, медленные и тяжёлые, проходили в молчании и точно камнями ложились на Савелия. Он, стоя над Рыжиком, сопел и, сгибаясь над ним, наконец, осторожно дотронулся до его плеча.

– Пойдём, брат! – сказал он, точно выдавив из себя эти два слова.

– Куда? – не поднимая головы, спросил Рыжик.

– В участок, – тихо прошептал Савелий.

– Н-не хочу! – двинулся Рыжик. – Не могу. Бывал уж я

там... А ты пошёл прочь. Пошёл прочь! – звонко выкрикнул он, садясь на земле и показывая рукой куда-то вдаль. – Пошёл! – настойчиво повторил он, видя, что Савелий не двигается с места.

– Не могу я уйти, – заговорил Савелий, вздыхая. – Невозможно это. Нужно тебя представить. Ты не сердись на меня, брат! Что ж такое? Там тепло, и сыт будешь.

А то вон ты какой больной. Помрёшь ещё на улице где. Разве долго?

– Э-эх ты, Иуда!.. Иуда ты предатель! Товарища продал! Как собаку бы тебя камнем хватил, но сил нет. Оз-зьяб я... и хвор, это верно. А хватил бы... ох, как бы хватил, кабы сила! Но ты... подлец! – И Рыжик снова вытянулся на земле.

– Эх, брат! – заговорил Савелий. – Непонимающий ты. Какая наша жизнь? Волчья жизнь! Хорошо это? Ну скажи! Вот то-то! – уверенно кончил он, видя, что Рыжик молчит.

– Рад я, что могу по-человечески пить, есть, а ты всю жизнь мог мне нарушить...

Ну, вот оно и вышло так... – И он снова замолчал, не умея сказать, как это вышло.

– Ну, а я? – ехидно спросил Рыжик, посмотрев на него, и закашлялся. Он кашлял долго, извиваясь змеёю на холодной земле. – Ну, а я? – ещё задыхаясь от кашля, повторил он.

Его вопрос, резко прозвучав в холодном осеннем воздухе, замер, покрытый тоскливым скрипом деревьев. Савелий молчал и думал.

– А ты!.. судьба уж такая у тебя! – произнёс, наконец, он, смущённо тыкая палкой землю.

– Су-удьба!.. Нет, не судьба, а потому, что ты мерзавец. Нет никакой судьбы, мерзавцы только есть! Понял?! – вдруг крикнул он.

Снова наступило молчание. Гуляй, перестав выть, подошёл к Рыжику, лежавшему среди улицы, и глухо заворчал.

– Пшёл! – крикнул на него Савелий и замахнулся палкой. – Слушай, Гриш, пойдём!

– В участок-то? – спросил Рыжик.

– В участок!

– Больше ничего мне и невозможно уж? а?.. Эх ты, подлец!.. – почти простонал Рыжик. Савелий молчал.

– Хошь, я уйду? Навсегда уйду, чтоб уж с тобой и не встретиться нигде, кроме страшного суда? Хошь?! – вдруг вскочил он с земли и стал против Савелия.

– Нельзя этого сделать, браток! Никак это невозможно! должен я представить тебя. Уж ты не спорь, пожалуйста. Что поделаешь? Жизнь у тебя такая. И никуда от неё не уйти тебе! – философски убедительно говорил Савелий и даже легонько хлопнул по плечу собеседника.

– Не уйду? никуда не уйду? Ой врёшь, уйду! От всех вас уйду, и ничего вы с меня не возьмёте. Да!

– Нет, брат, такого места, Гриша, куда так совсем уйти можно. И не ищи!

– вздохнул Савелий.

– А в реку ежели? – стуча зубами, еле выговорил Рыжик. Савелий вздрогнул.

– Это что же? Это уж совсем швах дело! – быстро заговорил он. – Разве можно это говорить? Пустяки это, браток!

Говоря так, он ощущал безотчётный страх, усиливавшийся по мере того, как он присматривался к лицу Рыжика, синему, с оскаленными и стучащими зубами, острому и почему-то решительному до ужаса.

– Идём! – вдруг дёрнул его за рукав Рыжик и бросился бегом вперёд.

– Ну вот, давно бы! – радостно крикнул Савелий и, путаясь в длинных полах своей шубы, поспешил за ним.

Рыжик, длинный и худой, бежал и над чем-то смеялся. Громадный и тяжёлый Савелий, громко стуча сапогами по мостовой, пыхтел, как паровик, и еле попевал за ним.

Смех Рыжика звучал неприятно, как смех сумасшедшего, и производил на Савелия угнетающее впечатление. Но довольный, что всё обошлось хорошо, он пытался не отставать от товарища, частыми, но мелкими шагами летевшего вперёд.

– Стой, Гриш! Не туда! Налево надо! Налево!.. чудака ты, налево!

– Врёшь ты всё! – снова захохотал Рыжик, прибавляя шагу.

– Гриш, голубчик, али ты бежишь? Эй, брось! Невозможно это!.. Как же я-то? Пожалей, чай! – жалобно взывал Са-

великий вдогонку товарищу.

Пустынная улица была совершенно спокойна. Длинный ряд заборов, деревья за ними и тьма. Две людские фигуры и собака, бежавшие посредине её, не могли возбудить ни в ком интереса к себе.

Савелий кричал, и сердце его замирало от страха, что Рыжик убежит от него.

И вдруг он вспомнил, что сейчас они выбегут на берег реки к яру и что Рыжик может прыгнуть в неё. Это придало ему быстроты, испугав его до онемения.

Но Рыжик был уже далеко от него. Его длинная фигура, согнутая, точно переломленная посредине, всё более и более глубоко ныряла в тьму, и вот она пропала. Савелий задыхался.

– Убежал!.. – звонко раздалось в воздухе последнее Рыжиково слово.

Послышался злой, резкий смех и через секунду звучный всплеск воды.

...Расставив руки и задыхаясь от усталости, Савелий стоял на краю обрыва и тупо смотрел вниз. Там было темно и страшно тихо. Чёрная, холодная вода текла медленно и бесшумно, так медленно и бесшумно, что, казалось, она неподвижна; а когда редели тучи, видно было, как ветер покрывал воду мелкой рябью... но тучи снова оползали друг на друга, и вода снова казалась неподвижной, чёрной, страшной.

Савелий долго смотрел на неё. Наконец он вспомнил, что надо сделать, – крикнул, запрокинув голову к небу: «Караул!» и тотчас же, не давая замереть отзвукам своего крика, быстро сорвал с шеи свисток и разорвал тишину тоскливой осенней ночи отчаянным свистом...

– Человек... в реку прыгнул!.. – заорал он, видя, что из тьмы уже появляются бегущие люди, и, схватив рукой первого, кто подбежал к нему, растерянно забормотал:

– Рази я виноват?.. а?..